

После церемонии распределения, где каждый кадет столкнулся лицом к лицу со своей травмой, всех собрали на первом подземном этаже Академии Ария.

Многие были в растерянности — что это вообще было? — но персонал, не теряя хладнокровия, просто вручал каждому тонкие буклеты. Движения отточены годами: никаких объяснений, никаких лишних слов.

На страницах мелким шрифтом всё уже написано.

О древней магии, лежащей в основе церемонии.

О печати тайны, которая запрещает раскрывать увиденное.

О том, что всё, что случилось в процессе испытания, останется только в памяти участника.

Если коротко — «все ваши старшие прошли через то же самое, жаловаться бесполезно».

Мир, где древняя магия всё ещё закон, не оставлял места спорам. После упоминания времён, когда билось сердце Мирового Древа, все протесты стихали.

Кадеты один за другим опускались в мягкие кресла, разбросанные по залу, словно в детской библиотеке. Кто-то молчал, кто-то наконец-то разрыдался.

Каждый раз, когда очередной кадет съезжал по горке вниз, всё повторялось: растерянные вопросы, слёзы, смирение.

— Ууу... было так страшно...

— Правда? Что тебе показалось?

Ответы сыпались один за другим.

На руках у ребят — наклейки с иероглифами и цветами Четырёх хранителей:

синий «□» — Дерево, красный «□» — Огонь, белый «□» — Металл, чёрный «□» — Вода.

Каждый символ отражал их результат.

— Привидения! — всхлипывал кто-то. — Настоящая орда призраков...

Хэ Юна, получившая чёрный знак, ходила между ребятами и утешала их.

А знакомые шептали ей вслед:

— Наверное, у тебя испытание было не таким уж страшным. Повезло тебе.

Каждый раз Ли Хян, сидевший рядом, бросал на неё взгляд, но та только отмахивалась:

— Хм! Просто я сильная духом!

Он тяжело вздыхал.

У каждого своя боль. У одного — детская страшилка, у другого — воспоминание об убийце родителей. У кого-то — язвительные слова родни на похоронах.

А у кого-то — любовь к последнему родному человеку, когда любишь не потому, что можешь, а потому что иначе невозможно.

Но ведь это счастье — когда можешь плакать и потом, вытирая глаза, смеяться: «Мне зомби приснились».

Счастье — жить дальше, не сломавшись.

— Эй, Ли Хян, чего ты уставился? Влюбился, да?

— Молчи, дура.

Он ладонью закрыл ей лицо и отодвинул.

Сам он до сих пор не мог прийти в себя от увиденного, а она, будто ничего не было, снова смеялась и болтала.

И снова прятала под этим смехом кровь в сердце.

Да, у него опять подростковое буря. И, конечно, только я могу с ним справиться, — подумала Юна, наблюдая за ним.

Хотя мы даже в разных общежитиях: у него красная метка — «Алая Птица».

И как же я этого дикого кота вообще замуж выдам? Он же сразу царапается...

— Хэ Юна, хочешь умереть?

— Эй! Твоя ноуна старается найти тебе пару, а ты неблагодарный!

— Умрёшь — я за тобой следом.

— Ай-ай-ай! Пусти!

Пока они переругивались, сверху послышался глухой удар — ещё один кадет съехал по горке.

Ли Хян только подумал: лишь бы Юну не задел, лишь бы не разговорчивый.

Но судьба, как всегда, решила подшутить.

— О, господин Рю Сон! Наша звезда, сюда!

Все головы повернулись.

Стоявший у горки человек выглядел так, будто только что выбрался из ада. Под его лицом — белая наклейка.

От прежнего голубого дурумаги не осталось и следа.

Рю Сон уже давно знал, что его настоящая травма — Кассис де Милан.

С того самого момента, когда после регресса решил: «Я должен его убить».

Всё отчаяние, всё разрушение исходило от него.

Теперь ничто, кроме Кассиса, не могло стать его страхом.

И Кассис оказался непобедим.

Даже после сотен других испытаний он всё ещё стоял перед глазами Рю Сона.

Такой же упрямый, как в тот день, когда мир рушился.

Разница лишь в том, что теперь это был не живой человек, а фантом памяти.

И всё же он сражался — до последнего вдоха.

Падал красиво, спокойно, словно никогда не хотел жить по-настоящему.

Рю Сон ударил его.

Хрясь.

Разбил голову.

Он и так собирался попасть в «белое общежитие» — прежняя «синяя слава» не имела смысла, если всё кончится смертью мира. Следить за Кассисом нужно рядом. Так что уничтожить фантом было логично.

Но я переборщил.

Он сжал кулаки до боли.

Издеваться даже над иллюзией — было не в его духе.

Он не должен был топтать тело, не должен был... а всё равно сделал.

Хватит. Не думай.

Если начнёт вспоминать, снова утонет в том, что нельзя назвать.

Он заставил себя сосредоточиться: план.

Он уже устроил так, чтобы их поселили вместе, если окажутся в одном корпусе.

Семья де Милан наверняка уже знает об этом.

А значит, Кассис, как минимум, насторожится. Может, даже решит держать его при себе, чтобы разобраться.

Шанс невелик — но он того стоит.

Если уж я выгляжу подозрительным, то пусть хоть польза будет.

Главное — не спешить.

В этой жизни он наблюдатель. Мир для него уже мёртв, но он ещё может его тронуть, чуть сдвинуть. Пусть хоть одна шестерёнка изменит направление.

Но если всё опять покатится к гибели — убью первым.

Думать о мире как о мёртвом оказалось даже удобно. Любое действие становится лучше бездействия.

Он уже однажды всё потерял — теперь попытается всё изменить.

Если Кассис — тот, кто способен разрушить мир,

то, может, одна маленькая перемена в нём изменит всё.

Он уже добился невозможного: заставил Кассиса де Милана сказать фразу, которой никогда не было в прошлом.

Хотя и ляпнул, конечно, через край.

«У нас первый день» — да перед целой ордой журналистов!

Рю Сон сам не понимал, как такое вышло.

Если уж нести чушь — зачем же на весь мир?

Выглядит будто он нарочно хотел скандала.

Хотя, возможно, именно так всё и надо было.

Отец... нет. Не отец...

Он горько усмехнулся. Всю жизнь считал его семьёй, а теперь даже слова не может сказать. Когда-то умолял: «Скажи “сын” хотя бы раз». А потом плакал на пустой могиле.

В этот раз всё будет иначе.

Он поднял голову. Зал притих. Всхлипы оборвались.

Все взгляды устремились в одну точку.

Кассис стоял посреди зала — безмятежный, как всегда, только теперь с едва заметной тенью на лице.

Вот почему все замолчали.

Страшно, как молчание падает следом за одним его морщением.

Но дело было не только в имени.

Он сам по себе — опасная красота.

Хочется смотреть даже на то, как он хмурится.

Ядовитый, манящий, как мак в опиумном саду.

Значит, ты тоже способен страдать?

Ты, разрушивший мир... знал ли ты боль?

Тем временем сам Кассис просто щурился, пытаясь найти взгляд Рю Сона в толпе.

Нашёл — знакомые, холодно-синие глаза.

И пошёл прямо к нему, даже не думая, о чём тот размышляет.

Ну что, начнём разговор?

Не «женись на мне».

А так, помягче:

«Заклучим контракт?»

Он улыбнулся.

<http://bllate.org/book/15779/1411923>